

За это стихотворение Ломоносов подвергался преследованиям. Для того, чтобы избежать сурового наказания, ему пришлось заявить, что стихотворение это направлено не против служителей церкви, а против староверов, которые преследовались правительством.

Кроме «Гимна бороде», Ломоносовым написаны такие сатирические произведения, как «Суд бородам», «Пахомей говорит» и др. Для его сатирических произведений характерны простота и доступность выражения мысли; язык соответствует требованиям «низкого штиля».

Творчество Ломоносова оказало глубокое и плодотворное влияние на дальнейшее развитие русской литературы. Замечательный талант поэта проложил новые пути в русской поэзии.

Огромно значение Ломоносова как преобразователя русского стихосложения, гениального ученого-языковеда, внесшего ценный вклад в упорядочение русского литературного языка. «Первым основателем истинных правил языка нашего» назвал его Радищев. Творчество Ломоносова вошло в сокровищницу лучших творений русской литературы.

II МЕТОДИКА И ОПЫТ

Жигалова М.П.

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Ю. АВРУТИНА (интерпретация и анализ стихотворений «Эти светлые названия белорусской стороны», «Черный свет», «В одном лице – и жертва и палач» «Швырнули речке в душу камень...»)

Картина мира и философия жизни, нарисованные русскоязычным поэтом Беларуси А. Аврутиным¹, справедливо дополняются мыслью о том, что в любой культуре всегда существует связь нравственного сознания и нравственного очищения души. На основании анализа своего внутреннего

---

¹Анатолий Юрьевич Аврутин (1948 г.р.), белорусский поэт, переводчик, публицист, литературный критик, Первый лауреат международной литературной премии имени Семёна Полоцкого. Эта премия присуждается за выдающийся вклад в развитие русской литературы за пределами России. Лауреат премии Чехова «Русь единая», член-корреспондент Российской академии поэзии (единственный в Беларуси) и Петровской академии наук и искусств. Награждён Золотой Есенинской медалью, Медалью Франциска Скорины, медалью имени М. Шолохова. Переводит стихи с белорусского языка. Перевёл на русский язык отдельные произведения Овидия, Горация, Катулла, Лорки и др. Печатается иногда под псевдонимом А. Юрьев.

мира и опыта жизни автор утверждает, что жить по совести – большое благо. Такое видение окружающего мира означает просветление души, способной любить родину и благоговейно относиться к людям, принимать их со всеми достоинствами и недостатками, уметь прощать человеку слабости.

Заметим, что такое толкование поэтом философии жизни и духовности раскрывает и некое вечное, вневременное нравственно-психологическое состояние внутренней жизни человека, а вместе с тем содействует очищению души читателя, напоминает ему об истинном предназначении Человека на Земле.

Анатолий Юрьевич Аврутин говорит в первую очередь о незабываемой силе этнической родины. Его стихотворение **«Эти светлые названья белорусской стороны...»** восхищает глубиной философского обобщения, зрелостью мысли, лёгкостью стиха, красотой образа родной земли. Чтобы донести до читателя основную мысль о том, что в белорусских названиях городов и деревень отразилась история, культура и душа народа, А. Аврутин широко использует белорусские антропонимы. Перед читателем предстаёт география белорусских городов и селений. В них он даёт не только толкование происхождения названий, но и раскрывает душу народа, гостеприимного, трудолюбивого. Поэт напоминает и о великой трагедии Чернобыля, которая коснулась белорусов, о боли от невозможных утрат и потерь, о том, что жизнь продолжается несмотря ни на что, а порой, даже вопреки всему.

Ему как коренному минчанину, родившемуся в семье инженера-железнодорожника, окончившему исторический факультет белорусского госуниверситета, это известно не понаслышке. А. Аврутин считает «литературу, в первую очередь – поэзию, занятием почти медицинским. «Если твоими стихами кто-то врачует душу, значит, ты работаешь не зря».

«Врачует душу» и стихотворение А. Аврутина **«Эти светлые названья белорусской стороны...»**

*Эти светлые названья
Белорусской стороны.*

*Белизною, белой ранью,
Все Бельниччи полны.*

*Пахнут смолью Смолевичи,
Сеном – древнее Сено.
В Брагине, под гомон птичий,
Браги выпить не грешно.*

*Славны Житковичи житом,
И ложатся на покос
Травы, росами омыты,
Где стремится в Нёман Рось.*

*И для этих мест не внове,
Летом или по зиме,
Встретить в Любани с любовью,
Гостя накормить в корме...*

*Но здесь помнят –
Добродушный
Добруш гневом клокотал,
Кличев люд скликал: «К оружьёю!»,
Над Затишьем стон стоял.*

*Негорелое горело.
В Глусске слышалось: «Беда...»,
В озере, от века Белом,
Стыла чёрная вода.*

*Мстили Мстижи. В Зорях тлело
Пепелище до зари.
Гневно, на святое дело,
Поднялись Монастыри.*

*Не один, не пять, не десять –
Стар и млад спешил на сбор.
И с врагом имела Беседь
Лишь короткий разговор...*

*Нынче в Севках сеют снова,
Льётся звонкое зерно.
Но косцам из Косарёво
Трав косить не суждено.*

*И заметнее в предгрозье,
Если ветер хмарь принёс,
Что до сей поры в Берёзе
Пней побольше, чем берёз.*

*Мир над Миром, тишь над Ланью,
Вновь в Печах дымы видны...*

*Эти светлые названья
Белорусской стороны.*

Уже в первой строке лирический герой заявляет о своём отношении к объекту художественного исследования эпитетом «светлые». Прочтёшь первую строку – и ощущаешь в душе что-то доброе, чистое, милое сердцу. Поэт называет свою родину трепетным, трогающим душу названием «светлая сторона», тем самым взывая к воспоминаниям, к истории Руси, Белой Руси, к истории Светлой Беларуси.

Сильные позиции стихотворения (первая и последняя строки) абсолютно совпадают в своём звучании и, образуя кольцевую композицию, убеждают в следующем: что бы ни произошло, какие бы испытания ни выпали на долю белорусского народа, он всё вынесет, сохранив при этом чистоту своей души. А душа народа – это душа толерантная, мягкая, способная понять и принять каждого, кто нуждается в помощи и поддержке, душа труженика-патриота. Об этом свидетельствует и история Беларуси. В ней есть место белорусской многонациональной жизнестойкой культуре с мультикультурными традициями и обычаями, в которых отразились характеры и нравы белорусской полиэтнической среды, где каждый этнос чувствует себя комфортно. Душа народа звучит и в названиях белорусских городов и деревень, о которых идёт речь в стихотворении.

Ключевые слова – все названья городов, «белизною», «белой», «пахнут сеном», «браги выпить», «жить», «травы», «с любовью», «накормить», «добродушный», «клокотом», «скликал», «к оружию», «беда», «святы» и др. – подтверждают ещё раз сложный характер пути, который прошёл белорусский народ и при этом не потерял интерес к жизни и труду: косит сено, сеет рожь, сохраняет белорусские традиции (встретить радушно гостя, накормить его и выпить с ним «чарку» за встречу), свою душу чистой и светлой.

В стихотворении доминируют глаголы, передающие динамику жизни, ее полноту: «пахнут смолью Смолевичи», «сеном – древнее Сенно», в Сенно «ложатся травы на покос». Мир, труд, любовь царят на белорусской земле, приветливой и гостеприимной, где «летом или по зиме» готовы «гостя накормить» и встретить с любовью.

Пришла война, и всё изменилось: «добродушный Добруш» клокочет гневом, Кличев скликает людей на борьбу и призывает к оружию, мстят в Мстиславле, «гневно на святое дело поднялись Монастыри». Закончилась война – и опять в Севках сеют, «мир над Миром», «тишь над Ланью», «вновь в Печах дымы видны».

Наряду с глаголами доминантными являются имена существительные – топонимы, географические названия, «светлые

названия белорусской стороны», которые статичны и символизируют вечность и непобедимость, жизненную силу белорусского народа.

Особое внимание обращает читатель на звукопись, которую активно использует А. Аврутин. Бельниччи (звук «б») сочетаются с чистотой и бескрайностью, Смолевичи, Сенно (звук «с») помогают представить читателю поле, где слышен шелест колосьев, стрекотание сверчков... Колосья на ветру касаются друг друга – вот он шум жизни... И всё это звуки белорусской природы, её трав, колосьев, лугов. Житковичи, Рось (звуки «ж», «р») передают и шум реки, и резкие взмахи серпом, которые слышатся во время жатвы. Каждый звук как будто отчеканен.

Фонетический строй стихотворения подчинён общему замыслу автора – показать светлые помыслы и счастье белорусов. Сначала в стихотворении преобладают звонкие согласные – мелодичные «л», «м», «н» («ранью», «полны») и задорный «б» («Бельниччи», «белой», «белизною»). Спокойствием дышит «с» в словах «смолью», «Смолевичи», «сеном», «Сенно». Жужжание пчёл, шум скошенного падающего колоса передаётся с помощью звука «ж»: «Житковичи», «житом», «ложится». Простор и красоту белорусской стороны передает ассонанс «о», «а»: «травы», «росами», «омыты», «Нёман», «Рось» и др.

Фоника стихотворения меняется в пятой строфе. Заднеязычные «г», «к» в словах «гневом», «клокотал», «Кличев», «скликал», «к оружию» тормозят чтение, заставляют совершать усилие, будто преодолевать препятствие, «втягивают» в борьбу. И звук «р» уже не радостный, не звонкий, а тревожный, грохочущий, резкий: «Негорелое горело», «в озере», «чёрная», «в зорях», «зари».

В последней строфе опять аллитерация. Здесь доминируют звуки сонорные «л», «м», «н», «в» («Мир над Миром», «тишь над Ланью», «вновь», «дымы», «видны», «светлые», «названия»). Фоника стихотворения подчинена кольцевой композиции и общему замыслу поэта, работает на него.

Гласный звук «о» – тревожный звук, передающий эмоциональное настроение лирического героя: тяжело людям, тяжело природе, тяжело вспоминать о прошлых бедах и тяжело о них писать. Ничто не проходит бесследно: всё оставляет свой след, и до наших дней доносится ещё эхо пережитого.

Стихотворение написано четырёхстопным хореем, в каждой строчке последняя стопа не имеет безударного слога, то есть является неполной. Кроме того, в каждой строке есть облегчённая стопа (пиррихий), которая придаёт стихотворному размеру некую лёгкость, воздушность, соответствующую светлым названиям сёл и городов.

Чередование мужской и лёгкой женской рифмы усиливает впечатление света, чистоты, воздуха. Перекрёстная же рифмовка символизирует чередование светлых и тёмных «полос» жизни. Жизнь светлая и радостная (мирная жизнь, труд, любовь), тёмная и грустная (война, страдания, стоны, гнев), и вновь – свет и покой, мир и тишь.

Противопоставление мирной жизни войне усиливается и лексикой стихотворения: «добродушный» – «гневом», «Затишьё» – «стон», «Негорелое» – «горело», «Белое озеро» – «чёрная вода». В приведённых парах не все слова являются чистыми антонимами, но по своему смыслу они всё же антонимичны. Вместе с тем чистые антонимы «стар и млад» объединяют народ, показывая, что на борьбу поднялись все: «не один, не пять, не десять» – «стар и млад спешил на сбор».

Анализируя изобразительно-выразительные средства языка, можно заметить и повторы, в первую очередь однокоренных слов, основанные на обыгрывании топонимов: белизна – белый – Бельниччи, смоль – Смолевиччи, сено – Сенно, брага – Брагин, Житковиччи – жито. Это сквозной приём, объединяющий все строфы стихотворения в единое целое. Такой приём заставляет читателя сосредоточиваться на названиях, вдумываться в их значение и понимать, что белорусы – мирные люди, труженики, которые любят природу, мир, тишину, что и отражается в названиях городов и сёл: Любань, Беседь, Севки, Берёза, Мир, Лань, Печи.

Светлый образ родины создаётся и с помощью эпитетов: «светлые», «белой», «святы», «добродушный», «звонкое». Он дополняется добрыми житейскими, милыми сердцу запахами смолы, сена, скошенной и омытой росами травы, браги. Белорусу «не грешно» под «тихий гомон» после хорошей работы и «браги выпить».

Метафоры «стон стоял», «гневом клокотал», «Кличев скликал», «люд», «поднялись», «монастыри», «Беседь имела короткий разговор» и т.д. помогают автору передать атмосферу горя, страданий, великого гнева, направленного на тех, кто посмел из Зорей сделать пепелище, а Затишьё наполнить стоном. Даже Монастыри (монастырь – символ смиренной обители, покорности, непротивления, прощения) «гневно на святое дело поднялись».

Стихотворение условно можно разделить на три части: мирная жизнь до войны, война, мирная жизнь после войны. И это в какой-то мере символично. Да, война – это ужасная драма, но это всё-таки состояние временное, а жизнь вечна. Она продолжается и повторяется в детях и внуках тех, кто не вернулся, тех самых косцов из Косарёва, которым «трав косить не суждено». И пусть до сей поры в Берёзе «липы больше, чем берёз», но «мир над Миром», «тишь над Ланью» – это и есть символ вечной жизни; «вновь в Печах дымы видны».

Таким образом, каждая строка, каждое слово и звук в этом стихотворении «Эти светлые названия белорусской стороны...» поёт песнь Беларуси и выводит читателя на широкие философские обобщения: в названиях наших селений – душа народа, его история, культура, жизнь вечная и бесконечная.

Мастерство поэта проявляется и в решении темы истории, горькой судьбы Чернобыля, которая во многом определила будущее Украины, Беларуси, Польши. Об этом и его стихотворение «**Чёрный свет**»:

*Под чёрным небом ворон чёрный
Всё выстригает ночь из тьмы.
И чёрный свет над чёрным дёрном*

*Окутал чёрные холмы.
Роняет чёрную иглицу
От скорби чёрная сосна.
И чернецу в потёмках мнится
Чертог у чёрного окна.*

*И чернь в порыве злости чёрной,
Благие помыслы чернит.
И чёрные взлетают горны
Мрак в непросвеченный зенит.*

*А стоит в зеркало взглядеться:
И с чёрных глаз – холодный лёд
И чернота стучится в сердце,
И чёрной кровью изойдёт.*

Что это? Боль? Скорбь? Утрата? Пожар? Чернота?.. И ничего... Всё чёрное... Первое, что приходит, – необъяснимое чувство страха, леденящее кровь. Чёрный свет? А может ли быть свет чёрным? Свет – то, что составляет гармонию мира. Значит, она нарушена... А может, чёрный свет – это чёрный мир, который узнали все славяне после Чернобыля? Или это тоска и боль, которые постоянно отражаются в человеческих сердцах? Стихотворение А. Аврутина «Чёрный свет» заставляет и об этом задуматься.

Уже в самом названии стихотворения чувствуется что-то противоестественное. Мы привыкли к выражению «белый свет», «на всём белом свете», но автор утверждает: «свет чёрный». Жизнь, состоящая только из чёрного, мрачная, безотрадная. Хочется добавить: «Здесь нет жизни». Свет должен высвечивать, а чёрный не может светить. Значит, свет – это мир... Так каков же этот мир в стихотворении А. Аврутина? Что

мы можем увидеть в чёрном свете? Здесь явно заключена какая-то тайна и глубокий философский смысл. Хочется взять кисть и попытаться проиллюстрировать стихотворение.

Что мы увидим в «Чёрном свете»? Чернобыль? Катастрофу? Возможно. Обожжённую душу? И это возможно. Тайна явно не хочет сразу открываться читателю.

Попробуем вслушаться в текст: «чёрное небо», «чёрный дёрн», «чёрные холмы» и «чёрный ворон», вестник смерти. «Чёрная сосна», «чёрная иглица», «чёрные горны», «чёрная кровь». На фоне черноты появляется «чернец», т.е. монах. Ему мнится чертог, великолепные покои. Чёрные одежды монаха символизируют отказ от искренних удовольствий, смерть при жизни для внешнего мира, но он не может быть чёрным внутри, только светлым, и этот свет он получает от света божественной любви. И чертог, который ему «мнится», по всей видимости, – храм. Храм веры и света. Чернь «благие помыслы чернит». Оказывается, люди могут нести с собой и зло. Автор призывает нас «в зеркало взглядеться». «Из чёрных глаз – холодный лёд».

Чьи это глаза? А чьи глаза можно увидеть в зеркале?.. Наши. Значит, «из глаз – холодный лёд». Лёд холодный, но светлый. Вот единственная капля светлого на фоне чёрного. Глаза – это отражение души, а там – лёд. Если его удастся растопить, тогда можно будет ещё спасти и душу. Следовательно, ключевыми словами являются «чернец» и «холодный лёд».

Стихотворение состоит из четырёх четверостиший с кольцевой композицией. «Чёрный ворон» на «чёрном небе» – «чернец» – «чернь»... «помыслы чернит» – из чёрных глаз холодный лёд.

Тема стихотворения – мир вокруг нас и внутри нас. Это стихотворение – откровение, философия пустоты, прежде всего духовной.

Через образ чернеца определяется идея. Монах не может быть «чёрным внутри». Внутренняя глубина человека (духовная) и её отсутствие, и вместе с тем бездуховность, которая может привести к гибели души. Смысл жизни – это путь к самопознанию. Впусти свет в душу – найдёшь спасение, «царствие божие», ибо оно «внутри нас».

Стихотворение «Чёрный свет» – это и откровение, и предостережение одновременно. Мир человека – это свет его души. Следовательно, у лирического героя пока нет этого света. Из глаз – лишь холодный лёд. И если тепло души, чистота внутреннего мира воскреснут, то они и растопят лёд. Вот тогда и появится свет, радость жизни. И мир окрасится в новые краски: станут зелёными холмы, дёрн, сосна, а небо – голубым.

Поэтому для лирического героя спасение мира заключается в спасении человека, а спасение человека – в его духовном поиске своего «я», в обновлении и очищении.

Страшную картину мира рисует поэт: шестнадцать строк, в которых шестнадцать раз повторяется «чёрный». Автор умышленно сгущает краски, чтобы явно увидеть картину зла, бездны. Создаётся ощущение холода, одиночества и безысходности. Может быть, поэтому «из чёрных глаз – холодный лёд». Текст изобилует цветовыми эпитетами, которые сводятся лишь к «чёрному» цвету и тем самым создают атмосферу зла и бездны: «чёрный ворон», «чёрный свет», «чёрные холмы», «чёрная злость» и т.д.

Славянизмы «чертог», «чёрнь», «чернец» не только сгущают краски, но и усиливают таинственность текста, будто подталкивая человека к необходимости жить по законам церковным, ведь чернец именно в них находит своё спасение.

Оксюморон «чёрный свет», который повторяется в стихотворении, является неким образом-символом, своего рода предостережением.

Сложное для постижения стихотворение. Автор описывает то, чего быть не может. Вся эта картина противопоставлена жизни, прежде всего жизни духовной. Замечательный русский поэт А.Н. Майков пишет:

*Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звёзды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...*

Да, испытания даются человеку по силам его. Чем сложнее испытания, тем чище становится его душа. Но как вынести, преодолеть испытания на жизненном пути? Это выбор каждого. Каким путём пойдёт человек, зависит не только от него самого. Проблема выбора пути, судьбы человеческой – тема вечная, философская.

А. Аврутин умело акцентирует внимание читателя и на проблеме коммуникации, в том числе и в мультикультурном пространстве, на умении человека гармонично строить свои отношения с окружающими.

Следует отметить, что стихи А. Аврутина отличает прежде всего правдописание, способность тонко чувствовать слово, улавливать все его значения. Как охарактеризовал его Лев Куклин, «поэт великолепно владеет словом, тонко ощущая его многозначность, играет всеми его гранями. В его стихах нет ничего лишнего, случайного. Здесь каждая строка, каждое слово обеспечены мыслью и чувством, так как они рождены особым мировосприятием поэта, его талантом».

Сфера компетенции А. Аврутина – человек, его судьба и удел. Ему интересна сущность человеческих чувств. Именно поэтому в творчестве

художника слова занимает столь значительное место тема внутреннего мира человека.

Стихотворение А. Аврутина «**В одном лице – и жертва, и палач**» о человеке и его внутреннем мире, сложном и противоречивом, загадочном, даже в самом, казалось бы, простом и обычном:

*В одном лице – и жертва, и палач...
 В одном лице – и горе, и потеха.
 Задорный смех, в котором горький плач,
 И горький плач, в котором столько смеха.
 Вода и пламень... Узник и судья...
 Кандальник, но с походкой конвоира,
 Святой и грешник... Многоликий Я –
 Кумир для низвергающих кумира.
 И что мне судьбы? – Есть же высший Суд!
 Что Высший Суд? – Ведь сам я правлю миром.
 Я тот, кого вовеки не спасут
 Ни сатана, ни ангел в платье сиром.
 Я божьим служкам Бога не отдам,
 Но сам к нему не брошусь в услуженье.
 В одном лице – летящий по волнам
 Шальной корабль и кораблекрушение...*

Каждый человек, бесспорно, всегда есть сочетание противоречивых качеств, которые дополняют друг друга и делают его загадкой для окружающих. Может быть, поэтому человек одновременно и выступает в разных ролях: то он «жертва и палач», то «святой и грешник», то «горе и потеха». Именно такого многоликого лирического героя представил А. Аврутин в стихотворении. В любом человеке уживаются разные качества. Они могут внезапно проявиться в экстремальной ситуации. Автор уверен: чтобы понять мир, нужно в первую очередь понять себя, свой психологический микромир, своё «тайное тайных», попытаться разобраться в собственной душе, раскрыть свое «я» в неожиданности составляющих его противоречий.

Прочитав стихотворение А. Аврутина «**В одном лице – и жертва, и палач...**», читатель понимает, что человек не просто частичка Вселенной, а нечто особенное и значимое в ней, что он наделен духовностью – стремлением к идеалу и творческому осмыслению явлений. Лирический герой осознает, что не зря живет на свете, что способен осуществить свое высокое назначение – «очеловечивать», совершенствовать самого себя и окружающий мир.

Сильные позиции стихотворения помогают сформулировать тему (кто я есть?) и идею (понять себя – значит понять окружающих). Поиск путей «к себе» в этом мире и составляет смысл всей человеческой жизни.

Стихотворение основано на антитезе. Фигура противоречия заключается в экспрессивно подчеркнутом выражении противоречивой сущности внутреннего мира человека, его душевного состояния. При первом прочтении стихотворения становится очевидным лексический повтор (анафора) пары слов «в одном лице». Здесь же лексический повтор сочетается с синтаксическим и становится средством создания подтекста и корректировки главной темы – силы и многогранности, многоликости личности.

Первая строка («в одном лице – и жертва, и палач») и каждая последующая дополняют новыми чертами характер лирического героя, раскрывают новые грани его внутреннего мира: горе – потеха, смех – плач, кандалник – конвоир, святой – грешник...

В первой строфе автор ставит в один ряд слова «жертва» и «палач». Жертва – человек, страдающий от несчастья, неудачи, возможно, насилия. И лирический герой несчастен, так как он находится в безвыходном положении. Палач же, наоборот, является жестоким мучителем и даже губителем. Столь разные понятия вмещаются «в одном лице» и являются символами, корректирующими основную идею: несмотря на все тяготы, сложности жизненных ситуаций, лирический герой не просто стремится к цели, а никогда от неё не отступит, даже если впереди его ждёт катастрофа, «шаловой корабль и кораблекрушенье».

Следующая пара «горе и потеха» помогает понять всю глубину душевной раздвоенности героя, способного страдать и радоваться одновременно.

Автор уделяет внимание и таким категориям-символам, как «смех и печаль», всегда сопутствующим человеку. Правда, А. Аврутин их не столько противопоставляет, сколько смешивает. Смех, с одной стороны, – это радость, с другой – ширма, которой прикрывает лирический герой своё горе. Смех способен раскрыть некую тайну или показать отношение к ней, почувствовать настроение и душевное состояние человека. Ничто не открывает сути человека так, как его смех. И в данном контексте смех имеет двойственный характер. «Задорный смех, в котором горький плач» – это смех-вуаль, под которым скрываются истинные чувства лирического героя. Смех здесь можно понимать и как своеобразную истерику, и как смех на грани, и как яркое проявление человеческой грусти, тоски, одиночества. Это смех безысходности и свидетельство ее осознания лирическим героем. И хотя в этом смехе горький плач, но, смеясь, лирический герой пытается «разделаться со страхом». Смех выступает

здесь в роли символа-оберега, защиты человека перед неизбежностью Судьбы.

Автор подбирает антонимические словесные пары: узник – судья, кандалник, но с походкой конвоира. Символика данных противопоставлений помогает понять, что, несмотря на пребывание лирического героя в угнетённом состоянии, притеснении и даже бесправии, он остаётся независимым, будет идти к цели с гордо поднятой головой, «ведь он сам правит миром», в первую очередь своим собственным.

После столь яркого раскрытия основных сторон личности лирического героя автор подводит итог многоликости «я» каждого человека. Лексические повторы усиливают чувство тревоги: «кумир для низвергающих кумира», останется таким навсегда. Он никогда не будет подстраиваться под чьи-то желания и предпочтения. Риторические вопросы («И что мне судьи?», «Что Высший суд?») окончательно расставляют акценты: лирический герой придерживается в жизни собственных моральных принципов и всегда старается следовать им.

Все средства выразительности, использованные автором, – антитеза, своеобразный синтаксис, устаревшая лексика – направлены на реализацию основной темы и идеи стихотворения. По мнению поэта, лирический герой выступает в разных ипостасях: «жертва, палач, узник, судья, кандалник, конвоир, святой, грешник, кумир, сатана, ангел, служка, Бог». Всё – в одном и всё одновременно вместе – в каждом человеке. Будучи таким многогранным, лирический герой оказывается непредсказуем в поведении, в жизненных проявлениях.

Кажется, что автор любит лирического героя, которому нипочём ни «суд людской», ни «Высший суд», так как он уверен, что управляет своей судьбой.

О многогранности характера свидетельствуют и существительные, которые знаменуют в первую очередь власть и силу лирического героя: судья, кумир, сатана, ангел. Читатель понимает, что автор желает показать значимость противоречивых сторон лирического героя, представить его сильной личностью, способной принимать важные решения и нести ответственность за свои поступки.

Лирический герой показан в динамике: он поставил для себя четкую цель и вопреки всему идет к ней, не страшась преград и потерь. Возможно, в этом мире, в этой борьбе он одинок, но все же в нем живет вера в то, что и один в поле воин, так как борьба эта – в первую очередь за своё совершенство.

Таким образом, стихотворение поднимает вечные проблемы, такие, как единство и противоречивость человеческой души, моральные нормы и

выбор, человек во Вселенной, отношение к религии, зависимость человеческой судьбы от высших сил и собственных решений.

Прямых ответов на возникшие вопросы А. Аврутин не даёт, даже не подсказывает читателю, как стоит жить, но очерчивает ряд значимых проблем, над которыми рано или поздно задумывается каждый. Возможно, для поэта важно, чтобы человек осознавал, что Богом на Земле является он сам, человек, который отвечает за принятые решения, и что именно он способен раскрасить мир теми цветами, которые для него предпочтительнее.

Однако главное внимание А. Аврутин уделяет не внешнему оформлению своих мыслей, а их внутреннему наполнению. В стихотворении «Швырнули речке в душу камень» он убеждает читателя в том, насколько сложны и многогранны взаимоотношения между людьми и как важно в этой быстротечной жизни научиться бережно относиться к чувствам и мыслям другого человека:

*Швырнули речке в душу камень.
Швырнули просто, не со зла.
По глади утренней кругами
Обида тихая пошла.
Но всё минуло в одночасье.
И в успокоенной волне
Круги дрожащие угасли...
Но камень...
Камень-то на дне.*

Это вечная тема в литературе, осмыслить и раскрыть которую в своих произведениях пытались авторы и философы со времён античности. Современный русскоязычный поэт Беларуси неслучайно обратился к философской тематике: будучи выпускником исторического факультета БГУ и переводчиком стихов античных поэтов, имея за спиной определённый жизненный опыт, он не мог не коснуться вечных тем. Стихотворение «Швырнули речке в душу камень...» написано уже в XXI веке, веке технологизации, когда у человека порой не хватает времени на то, чтобы задуматься о своей душе и душах окружающих, своих чувствах и переживаниях.

Тема стихотворения – обида, идея – реакция человека на нанесённую обиду. У кого-то из поэтов читаем такие строки:

*Я вам прощу всё то, что вы мне сделали,
Но не забуду вашего лица...*

Эти слова точно выражают идею стихотворения А. Аврутина: время успокоит боль от нанесённой обиды, но не сможет избавить душу человека от самой обиды.

Доминантным словом в стихотворении является слово «камень» – символ нанесённой обиды. Не случайно автор отождествляет обиду с камнем – она такая же жёсткая (жестокая), тяжёлая и бьёт так же больно.

К сильным позициям стихотворения относится первая фраза «швырнули речке в душу камень». Эта строка заменяет заголовок и погружает читателя в философский смысл стихотворения. Каждое слово здесь заслуживает внимания. Анафора «швырнули», повторяющаяся в двух первых строках, говорит о неопределённости лица, нанёвшего обиду, возможно, о том, что личность обидчика не имеет значения – важен сам поступок. Кроме того, слово «швырнуть» имеет сниженную лексическую окраску. Значит, это поступок низкий, не относящийся к нормам человеческого поведения. Здесь же встречается и антропоним «душа», который переводит читателя из плоскости природы в человеческую, философскую плоскость, ведь душа – отличительная особенность человека. Значит, речь в стихотворении пойдёт не о реке, а о жизни человека, то есть здесь имеет место антропоморфизм.

С первой строкой перекликается последняя, в которой опять встречается камень нанесённой обиды. Он не исчез, не растворился, а просто опустился на дно. Хочется продолжить: на дно души, а не реки.

Так, строя своё произведение на принципе антропоморфизма, автор погружает читателя в переживания обиженной человеческой души, которую не может излечить даже время.

Тематическая лексика в стихотворении образует смысловую параболу: волна – круги – круги – гладь – речка – дно. Отсюда становится ясно, что пережитая обида не осталась незамеченной лирическим героем. Чувства его нарастают подобно волне в реке, потом обида опускается на дно. Кроме того, все слова тематического ряда, кроме последнего, говорят о том, что происходит на поверхности реки, то есть на виду, а слово «дно» указывает на душевные глубины, не доступные постороннему взгляду. Таким образом, можно скорректировать идею, сформулированную выше: если человек не показывает свою обиду – это не значит, что глубоко на дне его души её нет.

В стихотворении нет экспрессии ритма. Наоборот, сочетание четырёхстопного ямба и перемежающихся мужской и женской рифм, дают здесь необходимые в смысловом отношении неторопливость и рассудительность, характерные для стихотворений философской тематики.

Однако назвать стихотворение «Швырнули речке в душу камень...» абсолютно равным в эмоциональном отношении нельзя. Определённый эмоциональный фон создаёт аллитерация («швырнули речке, швырнули просто, круги, дрожащие»). Примечательно, что аллитерация встречается только в тех словах, которые передают состояние реки-души

непосредственно после «броска», в момент, когда обида наиболее сильна. Это состояние внутренней дрожи (шв-р-р-, шв-р-пр, кр-др-щ).

В стихотворении преобладают существительные, что свидетельствует о понимании лирическим героем статичности и неизменности ситуации: так есть и будет всегда. На раскрытие эмоционального состояния лирического героя работают также синтаксические явления. Эпитеты «тихая обида», «успокоенная волна» противопоставлены друг другу. Хотя обида и названа тихой, но, очевидно, что она была таковой лишь во внешнем своём проявлении, а в душе лирического героя вызвала дрожь, которую даже пришлось успокаивать. Использование страдательного причастия «успокоенной», а не действительного «успокоившейся» говорит о сильном душевном волнении, которое не могло пройти само по себе и потребовало вмешательства извне. Кроме того, метафора «круги» угасли – также свидетельство душевного волнения. Угаснуть может лишь пламя, бушующее внутри. Повторы слов «швырнули» в первой и второй строках и «камень» в двух последних подчёркивают значимость этого события в жизни лирического героя.

Стихотворение не разделено на строфы, однако имеет весьма интересную структуру. В нём девять строк, слова «камень-то на дне» вынесены в отдельную (последнюю) строку, вероятно, для того, чтобы противопоставить их всему предыдущему повествованию. Они несут наибольшую смысловую и эмоциональную нагрузку. Для той же цели после восьмой строки использовано многоточие:

Но камень...

Камень-то на дне.

Пятая строка («Но всё минуло в одночасье») является одновременно и серединой стихотворения, и местом его эмоционального перелома. В первых четырёх строках ничто не указывает на то, что обида, нанесённая лирическому герою, останется на дне его души. Лишь прочитав последние четыре строки, читатель начинает понимать, каково внутреннее состояние героя. Иными словами, создаётся впечатление, что первая часть стихотворения описывает чисто внешние чувства и события, вторая же часть – истинные глубинные переживания лирического героя.

С другой стороны, нельзя не обратить внимания на синтаксис, которым обусловлено другое деление стихотворения на смысловые части. Первые две строки представляют собой простые безличные предложения, в которых нет подлежащего, то есть действующего лица, так как автору важен не обидчик, а то действие, которое он совершил:

Швырнули речке в душу камень.

Швырнули просто, не со зла.

Пять последующих строк – это полные двусоставные предложения, описывающие состояние лирического героя. В последних строках нет сказуемого, то есть с камнем обиды ничего не происходит, да и не будет происходить, он просто навсегда останется «на дне души»:

Но камень...

Камень-то на дне.

Таким образом, перед читателем открывается мир внутреннего «я» лирического героя. Мы видим панораму чувств (как лежащих на поверхности, так и на дне души каждого), вызванных обидой, не всегда умышленной, а чаще всего случайной, не со зла.

Тем самым, автор будто предостерегает читателя от нанесения мелких обид не со зла, а по неосторожности, случайно обронённым словом в адрес собеседника или в адрес родного, близкого человека, словом, которым можно глубоко ранить душу («словом можно убить»).

Стихотворение воспринимается как автобиографическое. Неудивительно, что А. Аврутин в одном из своих интервью сказал: «Пишу всегда для себя. Иногда написанное становится нужным другим. Тогда и появляется в лице читателя собеседник, друг, слушатель... А если не появляется, то значит у самого автора что-то не то с душой...»

Таким образом, читая лирику А. Аврутина, задумываешься о философии и смысле жизни человека, о его неразрывной связи с историей и природой родной страны, о сегодняшнем времени перемен и своем отношении к нему, о гармоничном существовании человека в мире технологий и цивилизаций. Задумываешься, потому что понимаешь, что жить в ладу с совестью всегда было престижно и актуально, так как на этих качествах только и держится мир.

Новгородская Н.В.

ЛИРИКА Б.Ш. ОКУДЖАВЫ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

Поэтическое творчество классика XX века Б.Ш. Окуджавы (1924–1997) обладает широким потенциалом для внутреннего развития личности, его духовного роста и, несомненно, содействует формированию и воспитанию нравственно здорового и красивого человека. Оно значимо как для постижения социальных проблем минувшего столетия, поскольку дает разнообразный материал для изучения времени культа личности Сталина, периода «оттепели», так и для осмысления нас сегодняшних, стоящих